

У.П. Беляева
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МИССИИ И КАТЕХИЗАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья рассматривает социальные сети как среду миссии и катехизации Православной Церкви в условиях цифровой трансформации общества. На основании богословских и медиаэкологических подходов анализируются действующие практики, выявляются риски и формулируются направления развития, нацеленные на синергию онлайн-и офлайн-церковной жизни.

Ключевые слова: миссия, катехизация, социальные сети, православная антропология, медиаэкология

U.P. Belyaeva
Lipetsk State Pedagogical
University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
Lipetsk, Russia

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR MISSION AND CATECHESIS: EXPERIENCE, CHALLENGES, PROSPECTS

Abstract. The article examines social networks as a medium for Orthodox Christian mission and catechesis in a digitally transformed society. Drawing on theological and media-ecological perspectives, it analyzes existing practices, identifies core risks, and outlines developmental trajectories aimed at integrating online engagement with offline ecclesial life.

Key words: mission, catechesis, social networks, Orthodox anthropology, media ecology

Цифровизация современного общества не ограничивается внедрением новых технологий коммуникации; речь идет о глубокой изменении самого опыта общения, идентичности и поиска смыслов. Значительная часть публичного дискурса, включая религиозный, переместилась в цифровое пространство, где алгоритмически отобранные ленты и короткие форматы задают ритм внимания и рамки интерпретации. Для православной традиции эта ситуация двусмысленна. С одной стороны, присутствие Церкви в социальных сетях отвечает апостольскому повелению «идите, научите все народы» (Мф. 28:19–20) и открывает доступ к тем, кто не приходит в храм. С другой — сама медиальная среда предъявляет специфические вызовы: она фрагментирует опыт, подменяет общение обменом сигналами, формирует ожидание мгновенного отклика и создает новую

экономику внимания. Противоречие между миссионерской необходимостью и рисками среды определяет актуальность данной работы. Цель статьи — на основе богословского и медиаэкологического анализа осмыслить практики православного присутствия в социальных сетях, описать ключевые проблемы и предложить принципы развития, обеспечивающие переход от экстенсивного наращивания охватов к экклезиологически ответственной коммуникации.

Богословская перспектива исходит из понимания миссии как продолжения евхаристической жизни Церкви в мире. Благовестие, по слову евангельскому, — не только информирование о доктринальных истинах, но и свидетельство о жизни во Христе. В этом отношении общение мыслится не как сумма индивидуальных высказываний, а как событие соборного присутствия, где личность раскрывается в отношении и ответственности. Виртуальная коммуникация трансформирует условия этого общения, потенцируя его доступность, но ослабляя телесно-литургическую измеренность и ритм покаянно-аскетической жизни. Следовательно, миссия в сети должна оставаться связанной с литургической жизнью Церкви и выражать подлинное церковное общение, а не подменять его.

Медиаэкологический подход показывает, что сеть среда, которая формирует способы мышления и модели общения. Как показал М. Маклюэн, медиа меняют пропорции чувств и перестраивают культурные формы, а потому «сообщение — это и есть среда» [3]; Н. Постман указывал, что господство развлекательных форм ведет к «развлечению себя до смерти», когда серьезные курсы редуцируются до клиповой драматургии [1]. В контексте православной антропологии это означает риск утраты целостности аскетического и догматического знания, если его передача подчиняется логике алгоритмической виральности, а не логике церковного педагогического предания [4]. Однако в медиаэкологическом подходе предполагается не отказ от технологий, а их осмысленное использование: корректировка практик с учётом свойств среды и разработка норм, защищающих достоинство личности и качество содержания. Институциональный анализ дополняет эту оптику, показывая, что цифровая миссия — поле регламентов, ролей и механизмов ответственности, стабилизируемое церковно-нормативными актами и организационными структурами. В российском контексте эволюция подхода к социальным сетям фиксируется постановлениями Архиерейских Соборов, где наряду с признанием растущего влияния платформ подчёркивается необходимость ответственного и нередко персонального общения в сети как формы церковной проповеди; этот вектор задаёт рамку экклезиологически осмысленного присутствия [4].

Официальные документы РПЦ задают базовые принципы сетевой деятельности. «Основы социальной концепции РПЦ» трактуют сотрудничество со средствами массовой информации как продолжение просветительной и учительной миссии Церкви и ориентируют информирование на правду и заботу о нравственном состоянии личности и общества [5]. Этот подход переносим на социальные сети, где требование правдивости и нравственного критерия стано-

вится противовесом логике клиповой драматургии и поиск-оптимизированного внимания. Внутри этой парадигмы церковные структуры взаимодействуют и с православными, и со светскими медиаплощадками, координируя единую информационную политику и наращивая компетенции ответственного присутствия. Создание профильных синодальных подразделений в 2010-е годы институционализировало работу с быстро меняющейся цифровой средой и укрепило контур регулятивной и методической поддержки.

Постановления Архиерейских Соборов 2016 и 2017 годов акцентировали, что социальные сети и иные формы интернет-коммуникации требуют особого внимания и подхода, включающего личное, диалоговое общение. Тем самым была закреплена экклесиологическая валидность персональной коммуникации как миссионерского инструмента при соблюдении мер богословской ответственности [6,7].

Отдельного внимания заслуживает нормативный контекст взаимоотношений со светскими СМИ, где подчёркиваются добросовестность, верифицируемость и взаимное уважение, а также задача противодействия распространению насилия, вражды и эксплуатации инстинктов. В практическом измерении это означает обязательность обращения к уполномоченным источникам, дисциплину фактчекинга и готовность к корректному диалогу при возникновении напряжений. Эта линия важна и для сетевых платформ, поскольку те же механизмы циркуляции непроверенной информации производят эффект недоверия и смущения аудитории, что требует от церковных авторов ответственного управления источниками и прозрачности компетенций.

Опыт российских церковных проектов показывает, что устойчивые результаты достигаются при сочетании ясного богословского языка, бережной интонации и медиакомпетентности. Публичные просветительские форматы — тематические разъяснения календаря, комментарии к общественной повестке, лекции и интервью — служат мостом к широкой аудитории, не знакомой с церковными ресурсами. Персонализированное консультирование в мессенджерах и социальных сетях компенсирует обезличенность платформ, возвращая разговор в пастырскую плоскость и восстанавливая ответственность говорящего. В этой логике монологическая трансляция без обратной связи оказывается ограниченной, тогда как диалог требует не только богословской эрудиции, но и медиаграмотности, психологической чуткости и временных ресурсов, что делает необходимым распределение ролей и командную организацию сетевой работы.

Практики духовных школ иллюстрируют модель, в которой сетевые каналы выступают пространством сопряжения академического знания, приходской жизни и общественной дискуссии; при этом подчёркивается необходимость удерживать содержание сверх форматных ограничений и связывать онлайн-курсы и трансляции с реальными траекториями участия в евхаристическом соборании, исповеди и общинной ответственности. Такой «переходный» дизайн контента снимает риск медиальной симуляции церковной жизни.

Рассматривая социальные сети как инструмент миссии и катехизации нельзя игнорировать риски и пределы, сопряженные с данной платформенной средой. Главное напряжение возникает между клиповой логикой ленты социальных сетей и требованием глубины катехетического процесса. Алгоритмы благоволят краткости, повторяемости и эмоциональной экспрессии, тогда как церковная педагогика предполагает длительное усвоение, медленное чтение, молчание и аскетическую дисциплину. Это порождает опасность редукции догматического и аскетического знания до «быстрых советов», мемов и спорных визуальных штампов. Усиливается проблема доверия и идентификации: анонимность и самоназначенные «наставники» подпитывают информационные расколы, коммодификация религиозного контента смещает критерии эффективности к метрикам вовлечённости, а не к духовной пользе. В этих условиях возрастает значение институциональных стандартов качества, этических протоколов и редакторского контроля, а также компетенций модерации, юридической аккуратности, стрессоустойчивости и этики ответов.

Официальные материалы Церкви, оценивая взаимодействие с медиа средой, настаивают на совместной ответственности за достоверность и нравственное содержание, а также предупреждают о разрушительных эффектах потоков насилия и эксплуатационных практик в массовой культуре. Перенесённые в цифровую коммуникативную среду, эти ориентиры требуют от церковных авторов методичной профилактики фейков, обращения к уполномоченным источникам и выстраивания корректной реакции на критику. Практика указывает, что непроверенная информация воспринимается сильнее последующего опровержения, поэтому дисциплина источников является важным условием миссионерского доверия [8].

Теоретически обоснованная модель онлайн-миссии опирается на три сопряжённых критерия. Богословский критерий требует точности и соответствия учению Церкви. Антропологический — признания достоинства адресата, отказа от манипуляции вниманием и прозрачности компетенций. Третий — литургический критерий призывает к направленности цифровой активности к участию в евхаристической жизни и включению в общинную ответственность [2]. С этими ориентирами соотносятся и официальные акценты Архиерейских Соборов [6,7], где подчёркнута ценность личного общения в сети как продолжения пастырского служения, а также положения «Основ социальной концепции», задающие нравственный горизонт информационной деятельности [5]. В совокупности это описывает экклезиологическую валидность сетевой миссии: технология уместна постольку, поскольку служит пути человека к Церкви, а не формирует альтернативную «виртуальную религиозность».

Дальнейшее развитие сетевой миссии предполагает переход от экстенсивной гонки за охватами к сопровождению конкретных траекторий. Персональное наставничество, устойчивые каналы обратной связи, связка тематических серий с литургическими периодами и приходскими инициативами, а также институциональная подготовка кадров — от богословской редакции до медиаги-

гиены и профилактики выгорания — формируют основу продуктивной практики [4]. В исследовательском отношении востребованы сравнительные платформенные исследования, длительное отслеживание пути от первого сетевого контакта до включения в общину и концептуальная разработка «цифровой аскезы» как навыка критического присутствия в медиа. Эти векторы согласуются с церковно-нормативной линией, где сетевая коммуникация закрепляется как важная, но не самодовлеющая часть миссионерского служения.

Социальные сети становятся пространством, в котором церковное свидетельство может быть услышано, если оно удерживает меру между доступностью и глубиной, оперативностью и богословской точностью, инновацией и верностью преданию. Официальные документы РПЦ очерчивают границы и возможности этой работы, настаивая на правде и нравственной ответственности информирования, на диалоге с широкой светской аудиторией и на соотнесённости цифровых инициатив с литургической и общинной жизнью. В этих рамках сеть перестаёт быть альтернативой церковному опыту и становится путём к нему, а миссия и катехизация обретают адекватные современной среде формы, не растворяясь в её алгоритмической логике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Postman N. *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York: Penguin Books, 2005. 208 p.
2. Беляев Д. А. Будущее Человека в перспективе техноантропологических конвергенций. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2023. 217 с.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.
4. Новиков С. В. Социальные сети как форма миссии Русской Православной Церкви в XXI веке // Церковь. Богословие. История. 2024. № 5. С. 425–436.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000; также: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#source> (дата обращения: 12.10.2015).
6. Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (2–3 февраля 2016 года) // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367700.html> (дата обращения: 12.10.2015).
7. Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (29 ноября - 2 декабря 2017 года) // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5076149.html> (дата обращения: 12.10.2015).
8. Ткаченко С. А., Липич В. В. Информационная деятельность Русской Православной Церкви в светских СМИ (по материалам церковных документов) // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2024. Т. 49, № 4. С. 800–806.